

Добравшись до кабинета директора, учительница английского молча вышла и закрыла за собой дверь — судя по всему, она уже поговорила с директором до прихода Ни Янчжоу.

Директор Чжан был человеком довольно ответственным. Он добросовестно проработал на своем посту несколько десятилетий, не совершив ни выдающихся подвигов, ни серьезных ошибок. Ему доводилось видеть немало драк и побоищ, но столь боевитого ученика он встречал впервые.

Обычно с подобными проблемными учениками поступали по стандартной схеме из четырех шагов: вызов родителей, выговор, воспитательная беседа, предупреждение. Однако на самом первом этапе — вызове родителей — возникла загвоздка.

Дозвониться до родителей было абсолютно невозможно. Когда первоначальный владелец тела переводился в эту школу, документы оформляла его мать, которая сразу после этого уехала за границу. Говорили, что родители развелись еще пару лет назад, мать устроила новую семью за рубежом и лишь изредка возвращалась на родину навестить сына, а заботы о нем все это время целиком лежали на нанятой няне.

В те времена в этом небольшом и небогатом городке уехать за границу почиталось едва ли не тем же самым, что отправиться в открытый космос — разница казалась не столь уж великой.

Классный руководитель и завуч хотели уделять парню побольше внимания, но не успел закончиться даже первый день после перевода, как он уже ввязался в драку и угодил в полицейский участок.

К счастью, глядя на рослого парня перед собой, директор подумал, что причиной драки была справедливость, и если приглядывать за ним как следует, возможно, тот сможет спокойно доучиться до самого выпуска.

— Ни, мой мальчик, — директор Чжан отпил чаю и причмокнул. — Как тебе первые дни в школе? Каково оно? Успеваешь за программой?

Ни Янчжоу вытянулся по струнке, приняв приличествующий вид: ему хотелось поскорее отделаться от этого разговора и идти на встречу.

— Одноклассники очень дружелюбные, учеба дается трудновато, но мой сосед по парте невероятно хорош. Я бы хотел как следует поучиться у него.

— О? — директор Чжан заинтересовался. — И кто же твой сосед по парте?

— Мэн Тин.

У директора Чжана внутри все сжалось.

— Я знаю его. В вашей параллели он лучший по результатам пробного тестирования. Совсем забыл, что вы в одном классе.

Если сосед сможет повлиять на него в плане учебы — это прекрасно. Но, как говорится, следовать добру — все равно что карабкаться в гору, а поддаваться злу — все равно что рушиться в пропасть. Директор боялся, как бы этот отличник не пострадал, иначе выйдет себе дороже.

Ни Янчжоу надеялся воспользоваться случаем и привязать себя к Мэн Тину — подумать только, шкалу симпатии этого писаного красавца поднять оказалось так трудно, что за весь день они толком и не поговорили. И хотя они договорились вместе позавтракать завтра, чтобы растопить лед, видеться приходилось ежедневно.

У Ни Янчжоу было предчувствие: если сюжет действительно связан с расследованием убийства, острый ум Мэн Тин может сослужить ему отличную службу.

Заметив колебания директора, Ни Янчжоу поспешил добавить от себя:

— За то время, пока я сидел дома, я всё хорошенько обдумал. Распускать руки — это ведь не выход: сегодня я ударю его, завтра он ударит меня, и когда же прекратится эта бесконечная цепь мести? Теперь с этим покончено, я хочу лишь спокойно доучиться.

Конечно, было бы здорово, если бы я начал понимать материал, а кто-нибудь стал бы меня контролировать, чтобы я подтянул учебу еще сильнее.

Директору пришлось по душе эти слова — они полностью совпадали с его собственными чаяниями: не сделать бы хуже, лишь бы обойтись без происшествий. Раз у родни хватило ума уехать за границу, наверняка они давно подготовили для ребенка запасной аэродром. Главное, чтобы в школе не устраивал беспорядков — вот и все ожидания директора.

Глядя на высокого, на голову выше его самого парня с красивыми чертами лица, в котором больше не было прежней мрачности, словно он и впрямь избавился от тяжести на душе, директор видел, что от былой озлобленности не осталось и следа.

Что ж, можно дать ему шанс. Если появятся дурные предзнаменования, он тут же рассадит их по разным партам.

— Хорошо. Если ты хочешь и дальше сидеть за одной партой с Мэн Тином, пусть так оно и будет. Я скажу об этом вашему классному руководителю. Только запомни: ты не должен мешать однокласснику, договорились?

— Есть! — охотно отозвался Ни Янчжоу, расплывшись в улыбке, словно беззаботный паренек.

Директор бросил вдогонку:

— Иди, иди. Если возникнут какие-то проблемы, сначала обращай к учителям, а если они не справятся — иди ко мне, не нужно излишней импульсивности. Ступай домой отдыхать.

— Хорошо! Спасибо, директор, я все понял. Вы тоже берегите себя, я слышал, вы кашляете — попейте побольше чаю для смягчения горла.

Директор весело рассмеялся в ответ:

— Хорошо, иди, иди.

Ускорив шаг, Ни Янчжоу почти бегом помчался к роще. До шести часов оставалась ровно минута.

Парень сбавил темп, выровнял дыхание и неспешно углубился в чащу.

На пути не было ни души.

Ни Янчжоу уже начал недоумевать, как вдруг, приблизившись к большой стопке сухой соломы, услышал звуки возни и толчков.

Он мгновенно перемахнул через копну сена и увидел, как долговязый парень в кожаной куртке прижимает к земле кого-то в школьной форме.

Ни Янчжоу в два счета подскочил к ним, вцепился в воротник куртки незнакомца и с силой оттащил его назад.

Парнишка в коже никак не ожидал нападения, его отбросило на несколько ярдов назад.

И тогда открылся тот, кого прижимали к земле: его одежда была разорвана, а сам он оказался Янь Цзинем.

Уголок рта Янь Цзиня уже пожелтел от запекшейся крови, губы блестели, очки куда-то слетели, в уголках глаз блестели слезы, а щека была поцарапана ветками во время борьбы — вид у него был крайне жалкий.

— Ты какого черта приперся, какого хрена лезешь не в свое дело! — придя в себя, завопил парень в кожаной куртке и двинулся на него. На его подбородке красовался след от укуса с выступившей кровью.

Увидев эту картину, Ни Янчжоу вдруг вспомнил сцену из классического произведения, и знакомая фраза сама собой сорвалась с губ:

— Среди бела дня ты пытаешься насильно утащить доброго молодца, и мне даже нельзя вмешаться?

Правда, прозвучало это как насильственный захват молодца, а не девицы.

Но для Ни Янчжоу, прошедшего закалку XXI века, было неважно — любят мужчины женщин, женщины мужчин, женщины женщин или мужчины мужчин. Пока это не мешает окружающим, пусть любят кого угодно.

Однако кого бы ты ни любил, нельзя идти наперекор чужой воле и применять силу.

— Какую ты тут чушь несешь! — выругался парень в кожаной куртке. — Какой из твоих глазомеров разглядел, будто я насилую этого уродца!

Ни Янчжоу поднял Янь Цзиня на ноги, прикрывая его собой, и, глядя прямо на хулигана в коже, без запинки выдал фразу из сериала:

— Во-первых, это не чушь, во-вторых, он не урод, и, в-третьих, оба моих глаза это видели.— Эй, ты, школоты!

Мужчина в кожаной куртке посмотрел на высокую, крепкую фигуру парня и тут же переключился на брань в адрес Янь Цзиня. Он попытался дотянуться в обход Ни Янчжоу до хрупкого силуэта в школьной форме, стоявшего позади.

— Это точно эта дешёвка тебя соблазнила, эта похотливая тварь только и умеет, что напрашиваться...

Ни Янчжоу потерял терпение. Он протянул руку и мертвой хваткой вцепился в запястье мужчины. Тот не мог пошевелиться и тут же замахнулся ногой, метя Ни Янчжоу ниже пояса, но парень опередил его — пнул соперника так, что тот отлетела назад на несколько шагов и плюхнулся на землю.

Ни Янчжоу удивленно приподнял брови.

Мужчина в кожанке выглядел как типичный шпана, зализав волосы бриолином, — вылитый бандит из старого кино. Из опасения недооценить противника и пострадать Ни Янчжоу вложил в этот удар немало силы.

Кто же знал, что тот окажется грозным лишь на вид.

Стоявший позади Янь Цзинь поправил школьную куртку, робко подошел к Ни Янчжоу и, дрожащими руками, медленно взял его под локоть.

Ни Янчжоу не был к этому готов и едва не отпрыгнул в сторону от неожиданности.

К счастью, оценив обстановку, он сдержался и не шелохнулся.

Янь Цзинь почувствовал его сопротивление, но обстоятельства вынуждали его действовать, поэтому он так и не убрал руку. Дрожащим от волнения голосом он бросил мужчине в кожанке:

— Ты сам всё видел, мой парень сильнее тебя. Если ещё хоть раз посмеешь ко мне сунуться... я... заставлю его... забить тебя до смерти!

К концу фразы голос Янь Цзиня сорвался на хрип. В нем слышалась такая ярость, будто он ненавидел стоявшего перед ним человека всем сердцем.

Мужчина в кожанке, морщась от боли, потирал ушибленную голень. Понимая, что ловить здесь больше нечего, он не стал упорствовать и лишь бросил напоследок угрозу:

— Ну, погоди у меня!

Он медленно поднялся на ноги и, пятясь назад, добавил:

— Рано или поздно ты останешься один.

Ни Янчжоу отчетливо ощутил, как при этих словах рука Янь Цзиня задрожала мелкой дрожью. Ни Янчжоу порывался сделать пару шагов вперед, чтобы тоже припугнуть наглеца, но Янь Цзинь крепко вцепился в его одежду, удерживая на месте.

Лишь когда фигура мужчины скрылась в лесной чаще, Янь Цзинь наконец отпустил его куртку и сжал пальцы в кулаки, плотно прижав руки к бокам.

Ни Янчжоу задумчиво посмотрел на него, и его мысли унеслись далеко.

Сюжетные линии в книгах редко появляются просто так. Даже в самом бездарном романе с провальным финалом подобные странные любовные неурядицы наверняка служат для продвижения основного сюжета.

— Спасибо. Я доплачу тебе.

Дрожащий голос парня прервал размышления Ни Янчжоу. Похоже, Янь Цзинь уже немного успокоился. Он застегнул молнию на школьной куртке и подошел чуть дальше, чтобы поднять с земли свой рюкзак.

Покопавшись во внутреннем кармане, он вытащил внушительную пачку наличных и вложил её в ладонь Ни Янчжоу.

Ни Янчжоу понимал, что прежнего владельца этого тела и стоявшего перед ним парня вряд ли связывали какие-то глубокие чувства. Скорее всего, к Янь Цзиню кто-то привязался, и тот, прослышав об умении оригинального Ни Янчжоу драться, нанял его для защиты.

Прежде Ни Янчжоу ломал голову над тем, чем вообще можно было задобрить вспыльчивого прежнего владельца тела. Всё оказалось на удивление просто — сработала банальная сила денег.

— И ту приставку можешь мне не возвращать. Пусть тоже будет платой за помощь.

Ах да, еще и приставка.— Если продавать, то подороже. И чтобы японская сборка.

Янь Цзинь опустил голову и заговорил:

— Я тут от себя добавил... сказал, что ты мой... мой... Завтра я принесу тебе еще денег, заплачу вдвойне. Только не болтай никому.

Ни Янчжоу посмотрел на толстую пачку купюр в руке и небрежно сунул ее в рюкзак.

Глядя на макушку соседа по парте, он ответил:

— Ладно. Раз doplачиваешь, я продлеваю срок защиты. Тот тип ведь тебе еще угрожал, да? Я буду провожать тебя после школы целую неделю.

С того самого момента, как Янь Цзинь твердо решил попросить этого сильного переведенного ученика помочь ему выпутаться из беды, он уже мысленно перебрал самые разные исходы. Включая и такой, при котором переведенный ученик, случайно столкнувшись с подобной мерзостью, избьет и его самого тоже.

Но как ни посмотри, это было всяко лучше, чем продолжать терпеть домогательства того человека.

Пусть даже его побьют, лишь бы отделаться от преследователя.

Но то, как все обернулось сейчас, Янь Цзинь не мог представить даже в страшном соне.

Он всегда так осторожно оберегал свою ориентацию и тайком вздыхал по человеку, который ему нравился. И вот стоило случиться всего одной случайности, как он погряз в угрозах и шантаже.

Он больше не мог это терпеть.

Ни Янчжоу — хороший человек.

Глядя на высокого парня, подумал Янь Цзинь.

— Я заплачу тебе.

...

— Ты это уже раз пять повторил.

Парень усмехнулся уголками губ и зашагал к перекрестку. Янь Цзинь молча последовал за ним.

Янь Цзинь указал дорогу, и они пошли друг за другом. Ни Янчжоу с любопытством спросил:

— Почему обязательно нужен именно парень? Янь Цзинь вцепилась пальцами в лямки школьного рюкзака и машинально закусил внутреннюю сторону щеки, после чего спросила:

— Ты тоже считал меня извращенкой?

Шедший впереди парень не обернулся, его голос донесся до нее:

— Гомосексуальность — это не извращение, я такого не говорил. Я спросил, почему только статус парня заставляет его перестать к тебе приставать? Разве друзья или приятели не подошли бы?

Услышав первые слова парня, Янь Цзинь разжала зубы, до крови прикусившая щеку, и позволила вкусу крови заполнить рот, а затем мрачно ответила:

— Потому что в их глазах я — не человек.

Шаги Ни Янчжоу немного замедлились.

Сзади донесся голос, в котором слышалось давнее, глубокое отчаяние:

— Я не отдельная личность. Только потому, что в отношениях я та сторона, которая хочет отдавать, я кажусь им слабой. Я не такая сильная, как они, я не могу дать им отпор. Вот

почему мне нужен кто-то другой, кто будет владеть мной, другой мужчина — только тогда я перестану быть бесхозной игрушкой, которую каждый может заполучить. И раз они сами не сильнее этого мужчины, только так я по-настоящему смогу избавиться от подобных принуждений. В глазах этих людей пол — это просто другое название власти. Женщины угнетены, и я тоже. В их глазах я — такая же лишенная власти женщина. Любовь не делится по полу. Но в глазах этих ублюдков по полу делится власть.

<http://bllate.org/book/20878/2109721>